

Глава 11

Шэнь Юй чувствовал почти физическую боль. Прежний обладатель этого тела был настолько простодушен, что его глупость вызывала лишь искреннюю жалость.

«Ладно, ты влюблен, ты ухаживаешь, даришь подарки — это еще можно понять. И если бы Юнь Байя приняла подношение, а потом просто отвергла твои чувства, я бы и слова не сказал, и уж точно не стал бы претендовать на те десять юаней»

Но как всё обстояло на самом деле?

Юнь Байя до смерти хотела новые кроссовки «Воин». То ли семья не давала денег, то ли была другая причина, но заветной пары у неё не было. Не в силах осуществить мечту, девушка каждый день после уроков проходила мимо обувного магазина, бросая на витрину полные тоски и печали взгляды.

И этот маленький дурачок, замирая от сострадания, достал деньги, которые сам сэкономил годами, отказывая себе в каждой крошке, и купил любимой новые кроссовки.

Когда он вручил подарок, Юнь Байя расчувствовалась до глубины души:

— Спасибо тебе! Это ведь брат Цзяхуэй просил тебя передать их мне? Он такой замечательный!

Шэнь Юй: «...»

Но самое невероятное заключалось в том, что бедняга не стал ничего объяснять и даже не возразил!

«И как он умудрился докатиться до роли жалкой "фоновой декорации"? С таким рвением он должен был стать как минимум верным помощником главных героев и в финале хоть немного погреться в лучах их славы»

Но нет. Во всём романе погибли всего два человека. Даже главный злодей остался жив-здоров, а вот прежний Шэнь Юй — протянул ноги. И хотя убили его не главные герои, они были к этому косвенно причастны.

Это было настолько нелепо, жалко и глупо, что у него даже не хватало сил на сарказм. Однако мысль о том, что это — его собственное будущее, заставила его взбодриться.

Разве он из тех, кто покорно ждет смерти?

«Вовсе нет!»

Поэтому первым делом нужно было вернуть деньги за кроссовки. Юнь Байя сама сказала, что обувь ей купил Сяо Цзяхуэй. А раз так, то это не должно оплачиваться из его кармана, верно?

«Хорошо, что времени прошло не так много. А то, не ровен час, главная героиня окажется забывчивой, и долг превратится в безнадежный»

Размышлял парень, сияя от радости при мысли, что его бюджет может пополниться сразу на одиннадцать с половиной юаней.

Когда же он увидел обновки, принесенные Лян Фэнся, его настроение стало еще лучше. Мать вернулась вместе с Цзяньшэ и стариком Сяо. Она принесла три комплекта одежды: два мужских верха одинакового кроя — белый и темно-синий (белый был на размер больше). Брюки в обоих комплектах были черными, но одни — модные ныне брюки-клёш, а другие — обычные.

Лян Фэнся уходила с лицом, полным скорби и желчи, но теперь, когда покупки были сделаны, она внезапно преобразилась и стала само очарование. Деньги-то всё равно потрачены, чего уж теперь страдать!

— Юй-эр, ты носи синий, он не такой маркий.

В присутствии старика Сяо и мужа она говорила на редкость красиво:

— Белый отдадим Цзяхуэю, он подчеркнет его статность. И эти клёши тоже ему — сейчас вся молодежь в таких ходит. Если у других есть, то и наш Цзяхуэй не должен отставать.

Шэнь Юй ни капли не завидовал! Белая куртка и черные брюки-клёш — это было слишком пижонски для него. Он считал, что не дорос до такого шика.

Сяо Цзясинь, услышав шум, давно выскочила из комнаты и теперь вертела обновки в руках. Услышав слова матери, она вскинула брови и недовольно уставилась на него:

— Он и так уже забрал комплект старых вещей брата, зачем ему еще и новые покупать?

— Это я тебе говорю! — прикрикнула она на Шэнь Юя. — Не трогай, это всё вещи моего брата!

Затем она принялась канючить, дергая Цзяньшэ за рукав:

— Папа, раз брату купили два комплекта, я тоже хочу два! И я тоже хочу брюки-клёш!

— Глупости! — наконец подал голос старик Сяо. — Где это видано, чтобы ребенку сразу два новых костюма покупали? Ты что, дочь директора завода?

Глаза Цзясинь наполнились слезами, она опустила голову и пробормотала:

— Всё равно, лучше бы мне, чем этому... С какой стати ему обновки?

Старик Сяо нахмурился:

— Чтобы я больше такого не слышал.

Он боялся, что если директор Юнь придет в гости и услышит подобное, это произведет дурное впечатление.

Получив нагоняй, да еще и при нём, Цзясинь вспыхнула от гнева и стыда. Громко фыркнув, она подхватила вещи и убежала в свою комнату.

Пользуясь тем, что старой задиры еще не было, а юная скрылась с глаз, Шэнь Юй достал свою новую кружку:

— Мама, я сегодня, когда лекарства покупал, подумал... Раз я простужен, мне нельзя пользоваться общей посудой. Вдруг я вас заражу? Особенно маленького Цзяяо — он ведь еще такой слабый, иммунитет совсем никакой. Вот я и купил себе отдельную кружку.

Лян Фэнся бросила взгляд на сияющую новизной посуду, и сердце её болезненно сжалось.

«Проклятый мальчишка! Вместо того чтобы вернуть сдачу, он разбазарил деньги. Правильно говорят — нельзя ему давать ни гроша!»

Но его доводы звучали разумно, к тому же вещь была уже куплена. Глядя на пар, поднимающийся из кружки, она поняла: сосуд уже пущен в дело, и заменить его на какую-нибудь старую посудину не выйдет.

— А где остальное? — Лян Фэнся попыталась выдавить улыбку. — Давай деньги мне, ты еще мал, потеряешь по рассеянности.

В уме она уже всё подсчитала: лекарства и кружка — максимум юань и семьдесят фэней, баня — пять фэней. Должно было остаться еще четверть юаня. Хоть шерсти клочок, да в дом.

Шэнь Юй невинно захлопал глазами:

— Я еще купил зубную щетку и пасту. Врач сказал, что нужно чаще чистить зубы, тогда микробов будет меньше и простуда пройдет быстрее.

«Ври больше! Какой это врач тебе такое наплел?!»

Мать вскипела:

— Откуда у тебя на это деньги? На двадцать пять фэней щетку с пастой не купишь!

— Дедушка дал, — Шэнь Юй принялся загибать пальцы. — Дедушка дал юань, я потратил на автобус, на баню, на щетку с пастой... Ах, да! Еще я в обед совсем не наелся и, когда мылся, чуть в обморок не упал, едва не утонул. Старик, который меня вытащил, сказал, что у меня низкий сахар или что-то в этом роде. Велел мне побольше есть хорошего, чтобы восстановить силы. Мам, покорми меня получше, мне всего семнадцать, я умирать не хочу.

Лян Фэнся: «...»

Что это за ребенок такой?! Настоящий долговой демон в человеческом облике!

Старик Сяо неловко кашлянул, в душе попрекая старуху за то, что она кормила парня одной картошкой да пустой похлебкой.

— Мать Цзяяо...

Лицо Лян Фэнся застыло. Она уже начинала дергаться при звуках этого обращения.

— Вечером дай Юй-эру... дай всем детям в доме по яйцу на пару, — старик Сяо не знал счета деньгам и продуктам. Для него «лицо» семьи было важнее любых расходов. К тому же он и сам заметил, что Шэнь Юй выглядит пугающе тощим — на фоне его собственных детей он казался жертвой жестокого обращения.

Это было недопустимо. Если директор Юнь заметит такое, это нанесет непоправимый удар по репутации семьи Сяо.

Шэнь Юй, легализовав свои покупки перед лицом «верховного правителя» дома, теперь мог не прятаться. Честно говоря, такие вещи и невозможно было скрыть — не мог же он чистить зубы, забившись в свою каморку под потолком.

Он приставил лестницу, взобрался наверх и аккуратно расставил свои принадлежности. Не успел он спуститься, как в дверях появилась старуха Сяо: одной рукой она вела любимого внука, а в другой тащила корзину с овощами.

Старик Сяо шевельнул бровями и как бы невзначай спросил:

— Чем занималась сегодня?

Его супруга, прожившая с ним не один десяток лет, мгновенно уловила его настроение и с гордостью принялась докладывать:

— Ох, я сегодня днем славно поболтала и с бабкой Ван из соседней квартиры, и с Сунь да Чжао со второго этажа.

Глава семьи удовлетворенно кивнул. Кроме соседки Ван, те двое были известными на весь район сплетницами — любая новость, попавшая к ним, разлеталась мгновенно. Подумав, он обратился к внуку:

— Раз идешь на поправку, возвращайся в школу. Ты сейчас в таком возрасте, когда надо учиться, не запускай занятия.

Это было вполне резонно. Даже без напоминания Шэнь Юй собирался вернуться к учебе. Он уже хотел было кивнуть в знак согласия, но внезапно вспомнил кое-что важное и замер.

— Что такое? — спросил дед.

— Дедушка... Я же вчера в воду прыгнул людей спасать... Сумка моя со всеми книгами пропала...

Старик Сяо: «...»

Лян Фэнся, входившая в комнату с мисками, резко осеклась и хотела было попятиться, но было поздно.

— Мать Цзяяо...

Пока старуха Сяо варила кашу, Лян Фэнся, ворча и проклиная всё на свете, сшивала для сына новую сумку из лоскутков, что нашлись в доме.

— Вот же недотепа! Сумку он потерял... Как сам-то не потерялся?!

Шэнь Юй пропускал её ворчание мимо ушей. Он незаметно подсовывал ей нужные лоскутки, стараясь сделать так, чтобы она не сшила вместе красную ткань в цветочек и кусок защитного брезента.

Швея из Лян Фэнся была посредственная, и в итоге сумка стала удивительно похожа на нищенскую суму какого-нибудь адепта «секты нищих».

Когда Цзясинь вышла за водой и увидела результат, она не удержалась и прыснула со смеху:

— Ну и ну! Вылитый маленький попрошайка!

Шэнь Юй, прижав к себе суму, молча опустил голову, приняв вид невинно обиженного. Ровно через минуту на Цзясинь обрушился праведный гнев старика Сяо, и она, поджав хвост, сбежала в свою комнату.

«Воистину, на всякую силу найдется своя управа»

Подумал он. В этой семье парень находился на самой нижней ступени, но стоило ему расположить к себе деда и немного прикинуться несчастным, как за него тут же вступались.

Однако он понимал: когда семья Юнь Байя отреагирует на его «подвиг», эта лафа закончится. Ему нужно было действовать быстрее — раздобыть денег и окончательно распрощаться с семейством Сяо. В любовные страсти главных героев он ввязываться не собирался!

Но, как говорится, помяни черта... Не успел Шэнь Юй закончить мысль, как в дом ворвался Сяо Цзяхуэй. Он именно ворвался: его густые брови были грозно сдвинуты, углы рта опущены, а во взгляде читалась ярость, граничащая с жадной расправы.

Шэнь Юй невольно залюбовался им — всё-таки главный герой. Цзяхуэй был хорош собой: чертами лица он пошел в отца — волевое лицо, широкие брови, прямой нос. Разве что форма рта была иной, видимо, досталась от матери. В целом, он был воплощением идеальной мужской красоты той эпохи — мужественный, статный, с обликом, полным праведного благородства.

На мгновение мысли отвлеклись: он поймал себя на том, что до сих пор не видел собственного лица. У него не было своего зеркала, а те два, что были в доме, висели в спальнях, куда ему хода не было.

— Шэнь Юй! — яростный окрик вернул его в реальность.

Цзяхуэй был вне себя от злости. Он смотрел на названного брата так, словно хотел стереть его в порошок.

— Ты перешел все границы!

Шэнь Юй вскинул бровь и быстро проанализировал ситуацию. Он догадывался, что вывело «брата» из себя. В оригинале Шэнь Юй сегодня промолчал, и Цзяхуэй не устраивал скандала

дома — он лишь позже начал тайно строить козни. Сейчас же многое изменилось: он вытребовал деньги и одежду, но это не могло так разъярить героя. Оставалось одно — слухи, которые распустила старуха Сяо.

Шэнь Юй тут же принял вид растерянный и напуганный:

— Брат Цзяхуэй... что случилось? Я ведь ничего такого не сделал...

— Ничего не сделал?! — Цзяхуэй едва не задохнулся от ярости. — Так это не ты распускаешь слухи, будто... будто ты...

— Что я? — невинно переспросил Шэнь Юй.

Лицо Цзяхуэя залилось багровым румянцем, он едва выдохнул:

— Что ты — спаситель Байя... одноклассницы Юнь! Это ведь твоих рук дело?!

<http://bllate.org/book/15805/1423381>